

Фреда Калин

СЛУШАЯ
С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ...

Фреда Калин

СЛУШАЯ
С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ...

БОСТОН • 2026 • ЧИКАГО

Фреда Калин

Слушая с открытыми глазами...

Сборник прозы

Freda Kalin

Listening with Open Eyes...

A Prose Collection

Copyright © 2026 by Freda Kalin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-20-8

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced in conjunction with Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------------	---

УРБАНИСТИЧЕСКОЕ

Москва без петушков.....	9
Верните Париж.....	31
Ночь в Брюсселе	42
Другая Швейцария.....	53
2009 год.....	53
1998 год.....	54
2007 год.....	67
2010 год.....	69

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Речитатив	71
Мы с тобой два берега... ..	80
Никитич.....	96

МУЖСКОЕ

Записки Максима Н.	121
Человек с воли.....	121
Американец	126
Сестрёнки.....	131
Цыганка	136
Гибель «шедевра»	143

Три жизни доктора Сигала	148
Пролог	148
Часть 1. Выбор профессии	149
Часть 2. Соня	152
Часть 3. Зина	153
Часть 4. Девочки	156
Часть 5. Леонид	162
Часть 6. Семья	170
Часть 7. Мила	176
Часть 8. Маша	178
Часть 9. Холмогоровы	183
Часть 10. С Алексом	187
Часть 11. И ты, Брут?!	190
Часть 12. Время больших перемен	195
Часть 13. В Америке	205
Часть 14. Миссис Джулия	209
Часть 15. Семья	227
Часть 16. Срыв	232
Часть 17. В России	248
Часть 18. Шторм	255
Часть 19. «Жизнь умнее нас»	258
Часть 20. Семья	262
Эпилог	267
Голубой кролик	268

ОТ АВТОРА

Я хочу поблагодарить моего любимого мужа за годы интересной, неординарной жизни. Его поддержка и терпение всегда со мной.

Спасибо моей талантливой невестке Ольеньке за то, что она относится к моим проектам с такими же энтузиазмом и вдумчивостью, что и к своим.

Эта книга — художественное литературное произведение. Имена, характеры, происшествия — продукт моего воображения. Ни один из характеров героев книги не является характером реального индивидуума. Любое совпадение полностью случайно.

Фреда Калин

УРБАНИСТИЧЕСКОЕ

МОСКВА БЕЗ ПЕТУШКОВ

Зелёная вывеска гласила: «Военторг. Магазин». Соседка, кажется, говорила, «торговая точка Военторг». Всё остальное совпадало: прямо по переулку, слегка налево небольшой подъём, напротив — здание с танком на крыше, военная академия. Кэтрин потянула на себя облезлую дверь с островками пыльно-зелёной краски. В магазине ни души. Пусто, тихо. Но вот из-за стенда с рулонами пёстрых клеёнок вышел раскормленный кот. Он поднял на неё безразличные серо-голубые глаза и затерялся среди разрозненных предметов мебели. Её взгляд остановился на трюмо — по крайней мере, бабушка именно так называла туалетный столик с тройным зеркалом. Кэтрин видела нечто подобное только в старых фильмах. За трюмо, судя по лоткам бывшего белого цвета с тощей морковкой и немытой картошкой, следовал овощной отдел. Органические, подумала Кэтрин, ничего кроме лопаты их, похоже, не касалось. За овощным следовал отдел со всякими продуктами питания. Скоропортящиеся под стеклом, а банки и пакеты сзади на полках — точно, как она видела в русских магазинах Нью-Йорка, но этикетки другие, придётся изучить. Дальше отдел спиртного. Водка за 60 р. — всего за два доллара? Надо не забыть сказать Нику. И наконец она увидела главное, зачем пришла. У них есть отдел, где есть всё, объяснила ей вчера соседка. И действительно *всё*: от пластмассовой посуды и детских дайперсов до неизвестного ей одеколona «Шипр» и старого знакомого «Трезора». Она постучала по прилавку. Тишина. Немного подождав, кашлянула и громко сказала:

— Здравствуйте, здесь кто-нибудь есть?

Из-за занавески в проёме стены появился небритый старик. На нём были обвислые тренировочные штаны и растянутый свитер. На худой морщинистой шее одуванчиком покачивалась голова с шапкой седых волос.

— Тебе, девушка, чего, капуста? — он прошаркал к овощному отделу. — Сегодня хорошая, все берут. Сейчас взвешу.

— Вы продавец?

— Не, не продавец, да не хочу девчонок беспокоить.

— Мне бы ещё стиральный порошок и много другого вот из этого отдела, — Кэтрин указала на заветные полки.

— А-а-а... — старик скрылся за занавеской.

Оттуда накатила волна запаха, знакомого с детства. Аромат горохового супа со свиными рёбрышками. Её бабушка, еврейка-безбожница, изредка варила такой по секрету от детей, но к полному удовольствию внучки. Кэтрин снова осталась одна. Минуты через две из-за занавески выплыла «девчонка». Белолицая, румяная, круглая, она уставилась на покупательницу серо-голубыми, как у кота, стеклянными глазами.

— Мне, пожалуйста, стиральный порошок.

Продавщица не тронулась с места, только вопросительно шевельнула бровями в направлении разноцветных коробок. Кэтрин сообразила — нужно выбрать.

— Самый эффективный, пожалуйста.

Продавщица повела плечом, выбрала одну из коробок, брякнула её на прилавок и выбила чек.

— Сколько?

Движением зрачков она указала на чек.

— Но мне нужны ещё вон те две мисочки... и дуршлаг... и белая кастрюлька... и ножницы...

Продавщица безмолвно доставала перечисляемые предметы и кидала на прилавок. Пластмассовые падали с глухим стуком, металлические дребезжали.

— Пожалуй, всё, — наконец сказала Кэтрин и протянула пятисотрублёвую купюру. Зрачки «девчонки» наполнились укоризной.

Кэтрин вдруг захотелось извиниться — ведь она оторвала немую продавщицу от супа.

— Дядь Коля-а-а-а, — закричала немая, — спроси там Наську пятьсот разменять. У ей в бакалейке есть, — она повернулась к Кэтрин. — Шас. А воще мы не сберкасса.

Кэтрин с изумлением ощутила, как из тайников её души всплывает почему-то вечно виноватая шестилетняя Катенька. Появилась худющая, милостивая Наська.

— Сейчас мы вас, миленькая, разменяем, и сдачку сдадим, и пакетик для п-а-а-рашочка отдельный, за три рублика, — затараторила она, утирая рот тыльной стороной ладони. — К-а-а-лбаски не хотите? Только сегодня привезли, и с-а-а-сисачки любительские.

— А молочные у вас бывают?

— Ой, девушка, ну вы даёте! Кто ж это в нашу торговую точку молочные завезёт? Только если с кем хорошим перепутают.

С пятисот сдачу нашли, капуста оказалась вкусной, и порошок неплохо отстирывал. Впоследствии Кэтрин узнала, что если бы не этот старый Военторг, дяде Коле жить было бы негде, и он бы был «бомж», что означает *but*. Несмотря на близость академии, военных в Военторге она так никогда и не встретила.

— У офицеров денег таких не водится, чтоб рядом с Садовым кольцом жить, а домой тащить далеко, — объясняла соседка. — А что этот магазин уцелел, так без таких советских анахронизмов нам было бы худо. Ведь на «Азбуку вкуса» мало кому хватает.

Кэтрин и сама поражалась дороговизне московской жизни. Деньги, выделенные компанией Ника им на устройство, исчезли в первые же три дня. Это-то и вынудило её постучать в дверь приветливой соседки и попросить у неё совета, где, например, купить молоток не за тридцать долларов, а за три.

— Ну ещё бы, миленькая, я по пакетам вижу, вы с мужем всё покупаете в «Стокмане» да в «Седьмом континенте». Этак никаких денег не хватит — зря, что американцы.

От неё Кэтрин узнала о ещё нескольких «советских» магазинах поблизости. Посещая их, она всякий раз что-нибудь делала не так, и её непрерывно образовывали. «Уж пора бы

научиться говорить *сразу*, что воду из холодильника», — раздражённо выговаривала ей продавщица, меняя бутылку с витрины на бутылку из холодильника. «Вы что, читать не умеете? Сегодня только цельное, бизжиренного нет», — ставила под сомнение способность Кэтрин понимать написанное продавщица молочного отдела. «Девушка, ты ж вроде не слепая — очередь оттуда...» — и так далее. На новогоднем вечере, устроенном компанией мужа, Кэтрин спросили, что ей больше всего запомнилось за первые три месяца в Москве. Она вообще-то над этим не задумывалась, и сама немного удивилась, когда с языка тут же слетело: «Хамство. Повсеместное бытовое хамство».

История её семьи совершила виток в тридцать восемь лет и, если не вернулась (к счастью) на круги своя, то повторилась по спирали. Когда ей было три года и её звали не Кэтрин Коро, а Катенькой Коровицкер, родители отправились на заработки в район полярного круга. Коренные ленинградцы, они, работая в родном городе, не могли свести концы с концами. Теперь же она приехала с мужем с той же «меркантильной» целью из прославленного Боингом и Билом Гейтсом города Сиэтла в престольный град Москву. География поменялась — идея осталась той же. Не то чтобы они плохо зарабатывали дома, но в Москве Нику предложили в два с половиной раза больше. Было бы не по-американски, да и не по-каковски, а просто глупо упустить такой случай. Благодаря любящей образованной бабушке, Кэтрин свободно владела русским: никто из иммигрантов, привезённых в США детьми, не говорил так чисто и правильно, как она. Однако современная речь москвичей не походила ни на певучую, чуть манерную речь бабушки, ни на выговор Качалова с шипящих университетских плёнок. Отрывистые, рубленые фразы, произносимые с истеричным накалом, которые врывались ей в уши на людных улицах Москвы, неприятно резали слух.

Приехав, они с Ником ахнули. Дважды! Сначала от московской златоглазости — обещанные календарями луковицы церковей горели даже в отсутствии солнца. Затем от количества красивых женщин и шуб. В Кэтрин вдруг про-

снулось желание прибавить семь сантиметров к своим ста шестидесяти пяти, стать на десять лет моложе и, запахнувшись в норковую роскошь, продефилировать в салон красоты на Тверской. По неопытности она не сразу отказалась от предложенной компанией Ника машины. Наивная, она полагала, что машина поможет в передвижениях по городу и... будет соответствовать имиджу (бабушка поправляла: «образу») московской дамы из глянцевого журнала. (Полистав один, начитанная бабушка прошептала: «Блеск и суэта хулиганок».) Кэтрин и в голову не могло прийти, что эти дамы просиживают часами в сумасшедшем московском трафике так же, как и усталые владелицы «жигулёнков», и что машину им не присылают, когда есть нужда, а шофёр сидит у них «на коле двадцать четыре/семь». Вообще-то правильно сказать «сидеть на колу», а не на коле, недоумевала она, но причём тут эта древняя пытка? Позже распознавать обрусевшие английские слова её научила англичанка Мелинда. От машины Кэтрин отказалась через неделю, а от шубы, к удовольствию Ника, сразу. Сработал американский менталитет. Подметать Тверскую, Ямскую и любую шкурками замученных зверьков она была неспособна при всём искреннем восхищении красотой и женственностью этих манто.

Главными занятиями Кэтрин в Москве было «делать жизнь» Нику и себе и работать над привезёнными из дома заказами. Дни её распределялись между часами у компьютера, хозяйственными хлопотами и шатанием по городским улицам и улочкам, переулкам и переулочкам. Несмотря на заскорузлый индивидуализм, как природный, так и усугублённый профессией, у неё стала возникать потребность в *собственной* стае. Стаей, к которой она прибилась, стали женщины-экспатрианты. «Девушки» со всего мира (её поражал этот феномен пренебрежения возрастом — в Москве всех женщин называли девушками, если только они не выглядели как столетние бабушки), они собирались не только поболтать — и так, и под рюмочку, но ещё делали для Москвы много хорошего бесплатно, волонтерствовали. Кэтрин вносила свою лепту, безотказно посещая заседания

клубных комитетов, куда её приглашали, чтобы помочь общению. Кроме английского и русского она, славист по образованию, говорила на польском, украинском, белорусском и сербохорватском. Во время этих заседаний она и познакомилась с англичанкой Мелиндой. Подвижная, острая на язык, с курчавой головкой и холодными насмешливыми глазами Мелинда обращала на себя внимание таким же, как у Кэтрин, свободным русским и сообразительностью. И ещё тем, что уже в десять утра от неё исходил лёгкий аромат спиртного.

— Результат утреннего возлияния, называемого опохмелкой, — не колеблясь объяснила Мелинда.

— То есть это как бы клин клином вышибают? — удивилась Кэтрин.

— Именно. Это очень по-русски, а один из моих прадедов, говорят, был гусаром и кутилой.

Русским языком Мелинда, как и Кэтрин, была обязана бабушке. Но её бабушка, судя по случайным, вскользь брошенным фразам, не осыпала внучку нежностями. Мелинда поддерживала её материально, хотя говорила о ней редко и не без сарказма. Пару раз у неё вырвалось *Grandma from hell*. Родители в жизни Мелинды вообще отсутствовали — во всяком случае, она никогда их не упоминала, а когда Кэтрин упоминала своих, делала вид, что не слышит, или меняла тему разговора. Она работала в редакции *The Moscow News* уже восемь лет.

— Тебя не тянет домой? — как-то спросила Кэтрин.

— Нет, здесь лучше платят и благосклонней относятся к пьющим девушкам, — засмеялась Мелинда. Они были симпатичны и интересны друг другу.

Узнав, что Ник и Кэтрин поселились прямо над квартирой-музеем П. А. Флоренского, англичанка неожиданно проявила жгучий интерес к деятельности этого заведения: от часов работы и посещаемости до имён директора и уборщицы. Из любопытства Кэтрин обратилась к своей верной помощнице, Википедии. Та ей поведала, что давным-давно многие называли Флоренского светоносным, чуть ли не Леонардо да Винчи XX века. Однако бабушкин

любимый философ Н. А. Бердяев окрестил его рафинированным реакционером. Бешеная ненависть «светоносного» к евреям подтолкнула его предложить спасти мир путём оскопления этой нации и вынудила Кэтрин занести его имя в список личностей, ей глубоко отвратительных. «Апологет религиозного тоталитаризма», в тридцать седьмом он получил пулю в лоб наряду с евреями — борцами за равенство и братство. «Значит пуля тебе на роду написана, — объясняла Кэтрин портрету на экране компьютера. — Узнай ты, что над тобой поселилась еврейка, сам бы себе пулю в лоб пустил». Энциклопедическая информация, однако, не проявила повышенного интереса Мелинды к музею. Однажды Кэтрин показалось, что в конце их переулка стоит джип её новой подружки, хотя из-за плохой погоды и расстояния она могла легко ошибиться. С первой же их встречи она поняла, что Мелинда на вопросы отвечает исключительно по желанию, поэтому лишнего не спрашивала, тем более что, подвыпив, та сама делилась многим, известным ей как журналистке, но не попавшим на страницы газет.

Мелинда заезжала за Кэтрин перед очередным собранием комитета или походом на девичник, в остальное же время Кэтрин пользовалась одиннадцатым номером (так в детстве, глядя на её тощие ноги, шутила бабушка) или городским транспортом. Садиться одной в такси или, тем более, к «частнику» Ник не позволял, да она и сама побаивалась. В её великолепном русском языке водители такси и владельцы побитых фиатов, обшарпанных лад и неуклюжих волг легко улавливали что-то нездешнее. Инцидент произошёл с ней, когда водитель подобной таратайки предложил ей выйти за него замуж. Из машины она вылетела пробкой, сунула ему в полтора раза больше денег — сдачи не надо, только б избавиться. Не без зависти, но и не без внутренней дрожи за их безопасность, она наблюдала, как московские Катеньки, не колеблясь, запрыгивали к «частникам». И ведь не боятся, что завезут, ограбят или ещё чего-нибудь похуже, полувосхищалась-полунедоумевала Кэтрин.

Когда чрезмерная любознательность — качество, которое она, видящая себя в будущем писательницей, всяче-

ски культивировала, — заносила её далеко от дома, и одиннадцатый номер объявлял забастовку, Кэтрин садилась в троллейбус. Чаще всего это был «Б», «букашка», курсирующий по Садовому кольцу. Путешествие на «букашке», каким бы коротким оно ни было, всегда воспринималось как маленькое приключение, но однажды превзошло всё, на что её американское воображение было способно. Катенька (в «букашке», как и в «советских» магазинах, Кэтрин куда-то улетучивалась) сидела у окна, и ей казалось, они плывут по пёстрому океану автомобильных крыш. Вернее, не плывут, а дёргаются: «букашка» постоит-постоит, потом прыгнет метра на два и опять стоит. Водитель, женщина лет тридцати пяти, крепкая, румяная — классическая русская баба с картин Кустодиева, за каждый метр дороги вела неравную борьбу с юркими легковушками и сваливающейся с электрических проводов штангой. Водрузить штангу на место, то есть, управляя канатами, зацепить дугу за провод, казалось сложным, требующим ловкости трюком. Когда троллейбус в очередной раз споткнулся — на этот раз о брошенную у тротуара машину — и штанга в который раз свалилась, по всему троллейбусу раскатился зычный женский голос: «Суки нетраханые, кидают свои ё***ые тачки где попало». Водитель в несчётный раз вытащила из-под сиденья рабочие рукавицы и отправилась на поиски владельца машины. Нашла. Он выскочил купить сигареты и с кем-то заговорился. Крупный темноволосый мужчина, по виду из южных республик. Кэтрин уже сталкивалась с тем, что в России таких часто называли чёрными, а чёрных — о ужас! — неграми. Настоящих чёрных не только не называли «африканскими русскими», но нередко били, а иногда и убивали. Вообще, по словам Мелинды, в убийствах особо преуспел Питер — колыбель революции, той самой, целью которой было установить равенство и братство всех народов на земле. Её девяностолетняя бабушка, умница, светлая голова, по телефону объяснила: «Понимаешь, Катюня, ведь когда алмазы извлекают из недр, на их место валится окружающая пустая порода, и чем крупнее был алмаз, тем больше этой грязи. Уничтожение культурного слоя петер-

буржцев — самого широкого в России — освободило благодатное пространство преступности, ксенофобии и всякой другой дряни».

До Катеньки долетали только обрывки речитатива, обращённого водительницей к провинившемуся: «Чёртово отродье... понаехали тут, говно виноградное... тусуешься, чумазый, раковые палочки сосёшь... да за это вам всем болты пообрывать». Профессиональная переводчица, Катенька высунулась в окно, чтоб ни слова не упустить. Кое-что она не расслышала, а кое-что не решилась бы воспроизвести даже в уме. Наконец отношения были выяснены, и троллейбус поплёлся дальше. «Что, п**да казённая, куда суёшься? — это уже было адресовано водительнице помятого фиата, пытающейся влезть впереди «букашки». — А ты, бульда-недоносок, не х*ем деланный, куда прёшь, зеньки-то из ж*пы вынь...»

Где-то Кэтрин читала, что в старину на торговых площадях Москвы особенно колоритной бранью отличались не мужики, а именно бабы-солдатки. Конечно, она была знакома с «классическими» русскими ругательствами, но эти были куда выразительней — руки так и чесались достать блокнот и ручку, но она не решилась. Тем временем пассажиры разделились на два блока: порицающий и поддерживающий. Одни осуждали непростительно грубое поведение водителя во время исполнения служебных обязанностей, а другие считали, что оно вполне оправдано ситуацией. Последние высказывали своё мнение крайне резко, но бесспорно проигрывали водительнице в богатстве словарного запаса и виртуозности фразеологии.

— Неопалимовский, — наконец объявила та Катину остановку. — Ну что, верста коломенская, выходить будешь? — это длинному парню впереди, пытающемуся вытянуть свой чемодан. — Я тебе не толерастка, час ждать.

К середине жаркого московского лета Кэтрин поняла, что и она не «толерастка». Тридцатиградусная жара выдавливала народ из города на берега речушек, озёр и водоёмов, а она так и не смогла заставить себя освежиться ни в одном из них. У неё начинался зуд от одного вида много-

людных нечистых пляжей. Оставался холодный душ. Горячую воду отключили на два месяца — «техническая профилактика». Понять, почему каждое лето всю страну лишают горячей воды так надолго, было невозможно. Ник и Кэтрин пристрастились к бане — там почему-то горячая вода была. Иногда снимали частное отделение, приглашали друзей и на протяжении трёх часов парились, погружались в ледяной бассейн и пили пиво под лещика — большое, дорогостоящее удовольствие. Недешёвыми были и поездки в пансионат «Бор». Туда босс Ника пристраивал их «по благу», чтобы не дать мозгам ценного специалиста расплавиться от городского зноя. Почему при наличии свободных номеров в пансионате всё равно требовался «блат», им тоже понять было не дано. До перестройки «Бор» был местом отдыха правительственной элиты. После перестройки демократизировался до уровня бизнес-элиты. Интересно, до чего он «опустится» через пару лет, иронизировал Ник. Кэтрин поразило, что в памяти вдруг всплыли запахи, звуки и образы её детсадовского детства. Скрип половиц и дверей, текстура одеял, простыни с печатями на уголках, ковровые дорожки в коридоре... Ей иногда казалось, что если поглубже втянуть в себя воздух, почувствуешь запах манной каши. Всё, кроме, пожалуй, люстр и бассейна, несло тот же почти неуловимый отпечаток.

— Это неизбывный дух нашей советской родины проникает в твою эмоциональную натуру через все пять органов чувств, — шутил Ник. — Пансионат он хоть и элитарный, но всё равно бывший советский.

Природа в «Бору», странно называемая природой Средней полосы, напоминала ей русскую девушку. Тоже среднюю. Не красавица, не уродина, миленькая, скучноватая. Полная противоположность приехавшей погостить Мелинде. Во время пребывания журналистки их вдруг стали оповещать, что сауна уже подогрета, а массажист появится, как только они пожелают. Постели предлагали менять ежедневно, и в ресторане их ожидал лучший столик с бесплатной бутылкой советского шампанского на льду. Вино недорогое, но тот факт, что раньше первые десять минут к ним

вообще никто не подходил, делал его королевским. Лишь одно происшествие во время визита Мелинды оставило неприятный осадок. Гуляя с подругой по асфальтированным дорожкам, проложенным через лес, Кэтрин шутила, что *такой* нонсенс ей нравится, потому что она никогда не была с природой на ты.

— Я не из тех, кого деревце от дождика укроет — мне крыша нужна, и листик шафранный мне ранку не залечит — только антибактериальная мазь помогает, — смеялась она. — И птичка в клювике попить не принесёт — самой приходится наливать. А по этой жаре мои птички в Москве — это продавщицы киосков с водой. Знаешь, их способность становиться невидимыми поразительна. Они так ловко прячутся в глубине своих миниатюрных избушек, что это должно стать предметом изучения для разведчиков и исполнителей номера «человек-невидимка». Стучишь по стеклу десять раз — никого; пытаешься заглянуть внутрь — никого; только соберёшься уходить, вдруг в окошке появляется тётя, да иногда такая, что лицо в окошко не помещается. Куда там вмещается остальная фигура, просто уму непостижимо.

— Надо взять у них курс, — усмехнулась Мелинда.

— Тебе зачем? Ты же худышка.

— Ты ж говоришь, полезно для шпионов.

— Я сказала разведчиков.

— Одно и то же, — слегка заплетающимся языком ответила уже успевшая принять «пять капель» англичанка. — И для журналистов.

Кэтрин забыла бы этот разговор, если бы через несколько часов, возвращаясь несолоно хлебавши из бассейна — по субботам он закрывался раньше — она не застала Мелинду фотографирующей разбросанные по столу бумаги Ника. На звук хлопнувшей двери Мелинда вздрогнула, резко повернулась и, увидев Кэтрин, неестественно быстро произнесла:

— Интересная картинка, хочу повесить у себя такую же.

Но Кэтрин успела заметить, что фотографировала она отнюдь не висящую над столом картинку. Джеймс Бонд в юбке, вернее, Мата Харри в штанах. Только этого нам и не хватало, подумала она, но сделала вид, что поверила.

Ко всему, с чем она сталкивалась, Кэтрин относилась как к потенциальному материалу для книги, а потому её интересовало всё. «Ты *Info junky*», — говорил Ник.

В Москве у него обнаружился старый друг детства. Коренной москвич, он часто приглашал Кэтрин на открытия выставок и разнообразные литературные «тусовки». Для него, испытанного «мандельштамовца», они служили естественной средой обитания, а порой и выживания. Для неё они стали освежающим дуновением. В помещении «для своих» — небольшом уютном, обветшалом пространстве, зачастую где-то под крышей — они потягивали водочку и похихикивали над «булгаковцами» и «платоновцами», которые часто и до хрипоты спорили по поводу феномена Москвы.

— Москва — город, увлекающий своими тайнами, — романтизировали «булгаковцы».

— Москва — женщина, дающая жизнь, — идеализировали «платоновцы».

Кэтрин курила в форточку и слушала, проникаясь муками и радостями малоимущей интеллигенции. Окна этих пристанищ зачастую выходили в экзотические московские дворы. Ей, правда, быстро дали понять, что экзотическими они выглядели только для неё, иностранки. Но она действительно нигде больше не видела, чтобы великолепное раскидистое дерево склонялось над переполненными мусорными ящиками, и тут же, рядом со свалкой битого кирпича и ржавого железа, весело зеленел цветничок, а чуть в стороне в детской песочнице отдыхала стая бездомных собак. Она так никогда и не смогла ответить себе на вопрос: существование этих бродячих стай — признак равнодушия и бесчувственности москвичей или гуманности, потому что их не «пускают на мыло»? И вообще Кэтрин никак не могла для себя решить, хорошие они или плохие, эти москвичи. А как было бы удобно и просто, если б можно было всех записать в милые-интеллигентные или злые-глупые. Ведь именно так поступают русские по отношению к иностранцам. По неведомым ей причинам они все, почти без исключения, считают американцев бескультурными и тупыми.

— Сразу видать, вы не американка, — сказала ей однажды соседка.

— А кто же я?

— Но вы же отсюда — значит наша. И умная тоже, интеллигентная.

— А вы когда-нибудь сталкивались с американцами?

— Да мне и сталкиваться незачем, я и так знаю, читала — дурные они. Им бы только пиво пить да на машинах гоняться.

Если они дурные, хотелось спросить Кэтрин, почему же в Америке моя шестидесятисемилетняя мама ходит в кино, в клуб, в театр, ездит в круизы и выглядит моей сестрой, а вы, пятидесятипятiletняя «девушка», чуть ли не со слезами мне объясняете, что вас вычеркнули из жизни? Но не спросила.

— Да ничего в нашей стране для нас нет, — повторяла соседка. — Со студенческого проездного перешла сразу на бесплатный пенсионный — вот и вся радость. Иногда разве что соберёмся с подругами, разопьём бутылочку да песни наши попоём, а ведь мы ещё не старые, много чего хочется.

— То есть получается, на вас, ещё молодой, умной, достойной, общество поставило крест? — преступив свою американскую корректность, всё-таки спросила однажды Кэтрин.

— Получается так, — грустно подтвердила соседка и, то ли чтоб изменить тему разговора, то ли вспомнив, вдруг обронила: — К вам тут подруга заходит, курчавая такая, кто она?

— Журналистка. Работает в «Московских новостях» на английском языке. А почему вы спрашиваете?

— У-у-ы-м, — неопределённо протянула та. — Да так... газетчики эти — народ ушлый... всё-то им расскажи: что да как, да когда, да кто и почему...

Кэтрин не забыла инцидент в «Бору». Чтобы разобраться в происходящем, она старалась общаться с Мелиндой чаще. Однажды пригласила её зайти в кинотеатр «Стрела». Над выцветшей голубой вывеской, перечёркнутой красной стрелой, красовался ярко светящийся неоновый знак «Каро-Фильм».

— Так и не долетела эта их стрела до светлого коммунистического будущего, — усмехнулась Мелинда.

— Что? — не поняла Кэтрин.

— Ничего... Воспоминания. Я ведь год проучилась в Москве, когда мне было девятнадцать.

Было тихо, пусто, на пятиточасовый сеанс никого.

— Нам, пожалуйста, два билета. Серединку, если можно, — попросила Кэтрин.

— У нас всё серединка. Тысяча двести рублей.

— Сколько? Больше двадцати долларов за билет? — изумилась Кэтрин. В Штатах билет в кино не стоил и половины этого. В ушах зазвучали жалобы соседки, а перед глазами всплыл голубой пятидесятикопеечный билет её дошкольного детства. — А почему так дорого?

— У нас кожаные кресла с управлением... и вообще.

— Пойдём? — спросила Кэтрин Мелинду.

Та пожала плечами — как хочешь. Замаячило что-то, с чем она ещё не сталкивалась.

— Пойдём.

Кэтрин поняла: как давно исчезли кареты из Каретного переулка и не шуршит сено на Сенной площади, так никуда больше не летит и красная «Стрела». А превратилась она в евро-отремонтированный кинотеатр «Каро-Фильм» с залом стандартного размера, в котором, однако, размещено всего одиннадцать рядов по пять мест в каждом. Но что это за места! Такие не найдёшь даже в первом классе воздушного лайнера. Широоченные кожаные кресла с вращающимися боковыми столиками: хочешь — сиди, хочешь — лежи или полулежи. Ощущение, что это не столько кинотеатр, сколько стилизованный под кинотеатр салон свиданий, усугублялось присутствием в заднем ряду ещё одной пары. Юноша и девушка увлечённо тыкали пальцами в свои мобильники, бурно объяснялись и громко любили. Присутствие двух взрослых женщин их нисколько не смущало.

— Откуда у них столько денег? — спросила Кэтрин Мелинду. — Они ведь и билеты купили, и в буфете, я заметила, посидели...

— Как правило, молодёжь их типа, то есть молочно-восковой зрелости и квадратного интеллекта, — усмехнулась журналистка, — может «круто» зарабатывать, например наркотиками. Теперь уже не только наша газета, но и русская медиа в открытую говорит, что наркомания среди молодёжи стала национальным бедствием. Глупые, желторотые птенцы... Сегодняшняя Москва предоставляет *golden mine* возможностей делать деньги, а они лезут в самое страшное.

— Но, по-видимому, и самое доходное?

— Это как сказать... если есть мозги, в Москве можно зарабатывать буквально на всём.

— Например?

— Понимаешь, пока на любую коррупцию всегда найдётся ещё большая коррупция, а на любое беззаконие ещё большее беззаконие, нужно только научиться оставаться на стороне победителя, и деньги польются рекой.

— А коррумпировано и незаконно всё и вся, ты это хочешь сказать?

Мелинда неопределённо улыбнулась.

Материал для книги накапливался быстро, но ещё быстрее в Кэтрин накапливалось раздражение на собственную бесхитрость. Как-то она очутилась в один и тот же день с утра на станции метро Щёлковская, а ближе к вечеру на станции 1905 года. Её поразило, что у выходов этих станций в диаметрально противоположных районах города стояли молодые люди одинаковой восточной внешности с одинаковыми объявлениями «Куплю старую швейную машинку». Видимо, ребята сбежали из какой-нибудь воюющей республики и пытаются открыть свою швейную фабричку, подумала она. Вечером за обедом поделилась с мужем, смотри, мол, как свободное предпринимательство работает, позволяет людям со смекалкой выживать в чужом для них городе. Ник изумился до такой степени, что не донёс ложку до рта.

— Кэт, ну ты совсем, — он покрутил пальцем у виска. — Кто, ты думаешь, может хотеть продать швейную машинку?

— Я думаю, старушка. Она и не шьёт давно, и деньги позарез нужны.

— А старушка сможет сама притащить её на рынок или в комиссионку? Нет. Значит, прочитав объявление, она приведёт такого вот «добра молодца» к себе домой, а там уж всё зависит от степени старушкиного невезения — то ли её просто ограбят, то ли ещё и пришибут.

Кэтрин почувствовала, как у неё запылали щёки от негодования и досады на себя. Правы москвичи: дура-американка. Однако «бизнес» заезжей молодёжи с машинками вскоре показался детским лепетом. Одним прекрасным августовским утром (а таких выдалось немного, потому что гнетущую жару быстро сменил морозящий холодный дождь) она вышла из дома и, привычно поприветствовав барельеф А. П. Флоренского средним пальцем правой руки, направилась к метро. Пройдя квартал, она увидела, как у дома по соседству с полюбившейся ей «торговой точкой Военторг» остановился невзрачный красный фиат. Синхронно распахнулись обе передние дверцы, и оттуда, как по команде, выскочили двое бритоголовых в одинаковых чёрных костюмах с длинными чёрными зонтиками наизготовку. Они на секунду переглянулись, в унисон хлопнули дверьми, так что автомобиль вздрогнул, и направились к двери подъезда. Неподалёку стояли два милиционера. Наблюдали. Тут она остановилась, разинула рот на интересную киношную сценку и только через несколько секунд сообразила, что зонтики — это винтовки, а милиционерам, скорее всего, заплачено, чтобы ни во что не вмешивались. Испугавшись, она перебежала на другую сторону улицы. Оглянулась. Бритоголовые уже исчезли в подъезде, а милиционеры закурили. Через три дня, идя в том же направлении, мимо того же злополучного подъезда, она увидела на асфальте что-то светящееся. Подошла ближе. Две свечи и фотография молодого парня не более тридцати: скуластое русское лицо, чёрная куртка. Позже Мелинда рассказала, что это был модный среди юношества певец, который чего-то с кем-то не поделил. Такое решение спорных вопросов для Москвы, может, и не ново, но Кэтрин и через три года не позабыла чёрные

фигуры с «зонтиками» и охраняющих бандитов спокойно курящих милиционеров. Через дорогу от военной академии — символа мощи и порядка. И свечи тоже.

Кэтрин Коро не была искательницей приключений и уж тем более авантюристкой — просто, любопытная и неравнодушная, она многое замечала. Президент одного из трёх женских клубов, членом которых она состояла, попросила её поработать над годовым отчётом и как образец дала отчёты за предыдущие два года. В папках хранились протоколы ежемесячных (последний четверг каждого месяца) совещаний комитета, включающие перечень присутствующих. Листая их, Кэтрин заметила, что каждый третий месяц имя Мелинды отсутствовало. Это тем более бросалось в глаза, потому что именно грамотная, сообразительная Мелинда обычно и вела, и подписывала протокол. Шёл октябрь, очередное совещание комитета выпадало на двадцать шестое — через неделю. Получается как раз третий месяц, считала Кэтрин.

Двадцать шестого она вышла из дома чуть ли не на рассвете. Накануне она сказала Нику, что они с «девушками» едут на далёкую экскурсию в Ясную Поляну.

— Не забудь свой мобильник, — напомнил Ник.

— Не волнуйся, — чмокнула мужа Кэтрин.

Такси нашлось сравнительно быстро — в шесть утра в Москве мало кто куда едет. Она обрадовала шофёра, пообещав заплатить за полдня, даже если они управятся раньше. Затем дала адрес Мелинды. Они остановились под аркой, метрах в двадцати от её джипа, припаркованного напротив подъезда. Ждали сравнительно недолго. Было семь тридцать, когда Мелинда вышла из подъезда. Она была тщательно одета и причёсана. А ведь любит с вечера выпить и утром долго поспать, отметила Кэтрин. Совещание комитета начиналось в десять. Как она и предполагала, в такую рань Мелинда собралась ехать не на совещание.

— Следуйте за ней, — сказала она шофёру.

— Любовница мужа что ли? — поинтересовался он. Кэтрин неопределённо пожала плечами. — Ладно, можешь не говорить, ты не одна такая.

Они следовали за Мелиндой немного дольше часа. Сначала через весь город, затем по быстро оживающему шоссе, пока не свернули на узкую асфальтированную дорогу. За первым же поворотом они увидели машину Мелинды на обочине, а саму Мелинду усаживающейся на заднее сидение чёрного мерседеса. На переднем сидел большой, серьёзный бритоголовый. Он и шофёр мерседеса выглядели родными братьями. Всё это Кэтрин рассмотрела за считанные секунды, потому что водитель такси, громко матюгнувшись, стал вдруг размахивать руками, всячески показывая бритоголовым, что виноват. Под их взглядами, холод которых, казалось, проникал через стёкла обеих машин, он стремительно развернулся и ринулся обратно к шоссе. Когда Кэтрин оглянулась назад, чёрный мерседес с Мелиндой уже исчез за поворотом.

— Ну ты, девушка, даёшь, — перевёл дух водитель. — Знал бы, на кого из-за тебя напорюсь, никогда б не поехал.

— А кто они, эти люди?

— Ты что, маленькая, сама не видела, какая у них тачка и вообще?

— Я, честно говоря, в этом не разбираюсь.

— А тут и разбираться нечего, сразу видно — мужики большому человеку служат.

Шофёр замолчал, и её хитроумные попытки вытянуть из него больше информации ни к чему не привели.

Через неделю Кэтрин и Мелинда встретились на ленч в кафе на Тверской. Они закончили свои «витаминные» салаты и перешли к кофе, когда Кэтрин сказала с деланным спокойствием:

— Может, расскажешь о своей дополнительной, нежурналистской деятельности?

Мелинда недоумённо переспросила:

— Какой деятельности?

— Той, которой ты занималась утром двадцать шестого числа.

Лицо Мелинды за одну секунду сменило несколько выражений: изумление, растерянность, упрямая ожесточённость. Зная подругу, Кэтрин не удивилась бы, если б та

посоветовала ей не совать нос в чужие дела. Однако после короткого молчания Мелинда пожала плечами и сказала:

— Ничего такого я не делала. В гости ездила.

— Ну да, на утренний чай с бритоголовыми амбалами, — съязвила Кэтрин.

Мелинда повременила, как бы принимая решение.

— Нет, не с ними, с их боссом. Я с ним давно дружу.

— И дружите вы раз в три месяца.

Брови Мелинды выскочили за пределы оправы её дорогих очков:

— Ну ты даёшь. Тебе надо было быть журналисткой — такая же ищейка, как и я. Да, раз в три месяца он приглашает меня поговорить.

— О погоде и здоровье твоей бабушки, — продолжала иронизировать Кэтрин.

— Ладно, хватит, я скажу. Ничего такого в этом нет. Мы с ним обмениваемся: я ему информацию, он мне баксы.

— Какую информацию?

— Например, такую, которая помогает одному серьёзному господину повалить акции, или репутацию, или связи другого и скупить по дешёвке, а то и за бесценок, его *assets*. Ценная информация, она ведь и от соперника помогает избавиться, и свои активы пополнить на десятки, а может, и сотни миллионов.

— То есть компромат.

Мелинда пожала плечами.

— Ты же помнишь эту русскую пословицу «назови хоть горшком — только в печь не сажай». Информацию я собираю из самых что ни на есть открытых источников, а станет она компроматом или умрёт в чьих-то архивах — это не моё дело. Я прирождённая тусовщица — сама знаешь. Из журналистских и эксклюзивных клубов не вылезаю, на посольских приёмах регулярно. Выпить люблю, так что мне открывают души и потаённые мысли многие известные особы, а с памятью у меня, слава богу, всё в порядке.

— И ты всё интересенькое исправно доставляешь «боссу» в обмен на баксы. Он у тебя кто, промышленник, кагэбэшник или политик?

— Это тебя не касается.

— Согласна, но неужели тебе так сильно нужны деньги, что ты добровольно полезла в отношения с этим твоим «боссом»? Даже я уже поняла, что если в один «прекрасный» день такой вот босс решает, что ты знаешь *too much*, ему расправиться с тобой ничего не стоит.

Мелинда чуть побледнела.

— Во-первых, не добровольно. Я его встретила в ночном клубе три года назад и согласилась по пьянке. Позже деваться было некуда. И, кроме того, мне кажется, в нём всё-таки есть элемент порядочности...

Кэтрин закатила глаза к небу и вздохнула.

— Кэт, ты пойми, девять лет назад я работала в маленькой лондонской газетёнке и вела утреннюю передачу на малоизвестной радиостанции. Я еле сводила концы с концами — иногда даже приходилось жить у бабки. А тут вдруг — о, подарок небес! Меня приглашает *The Moscow News*. Деньги на оплату квартиры, командировочные, зарплата больше лондонской и бонус. Я просто ошалела от радости. В восемьдесят пятом я жила год в Москве по обмену студентов. После этой их перестройки обо мне вспомнили как о носителе языка. В Москву понаехало несколько тысяч иностранных специалистов с семьями. Раньше *The Moscow News* читали в основном преподаватели английского и студенты, сдающие «тыщи» — язык был сухой академический. Для нового контингента его требовалось оживить.

— Ты сама говоришь, они тебе хорошо платят...

— Да, но это Москва. Дороговизна растёт непрерывно...

— ...а ты уже привыкла к дорогим ресторанам и отборным винам и коньякам.

— Вот именно. Поначалу я подрабатывала тем, что отдавала кое-какую *пикантную* информацию в интересующиеся ею публикации.

— П-у-б-л-и-к-а-ц-и-и... Ты имеешь в виду бульварную печать, типа «СПИД-инфо»?

— Типа. Не под своим именем, конечно. Но они теперь платят гроши.

Кэтрин допила свой кофе и отодвинула чашку на край стола.

— А что ты выискивала в нашем доме? Соседка сказала, ты приходила несколько раз, приставала к жильцам с расспросами.

— Ах, это, — усмехнулась Мелинда. — Надеялась, что обнаружу ещё один небольшой приработок.

— В нашем доме?

— Ты не знаешь, а я знаю, что директора таких музейчиков, как квартира Флоренского, нередко списывают на них доходы от своих других, «некультурных» бизнесов. Мне не так уж трудно докопаться до их двойных бухгалтерий, если таковые существуют. И... можешь не смотреть на меня так, да, я их шантажирую. Газетчиков они боятся как огня. Один от меня откупился сразу, а двое других платят немного, но ежемесячно. Я своего упускать не собираюсь.

От такой откровенности Кэтрин даже слегка затоснило.

— Но это не достойно тебя! Ты ведь прекрасная журналистка, настоящий профессионал...

— Вот именно. Это означает прирождённая ищейка. И тусовщица, — Мелинда заговорила горячо и быстро. — Я *party animal*. Я вхожу практически повсюду, будь то клубы, посольства или частные резиденции всяких известных людей...

— Или квартиры друзей-специалистов, — не преминула вставить Кэтрин, но Мелинда даже внимания не обратила.

— ...которые, кстати, любят меня приглашать. Где бы я ни была, я собираю информацию. Всегда. Тусовка — моя жизнь, а добыча информации — моя работа, — продолжала распляться она. — Почему же мне не продавать результаты моего труда? Шахтёр добывает уголь, я добываю информацию. Информация — дорогостоящий товар. Чем она хуже угля?

Мелинда разглагольствовала ещё минут сорок. Её прорвало: видимо, откровенная беседа приносила ей облегчение. Кэтрин очень хотелось уйти. Наконец англичанка спросила:

— Тебя подвезти? Я на машине.

— Нет, я, пожалуй, пройдусь.

Кэтрин махнула приятельнице рукой и зашагала прочь так быстро, как только позволял её одиннадцатый номер.

* * *

Нику предложили продлить контракт ещё на год. Он не возражал — работа интересная, платят сказочно — решение было за Кэтрин. Она колебалась: интересы и высокие заработки мужа — сильный довод. Что она может противопоставить? Ещё одно жаркое лето? Но ведь это несерьёзно. Решение пришло неожиданно, во время экскурсии. Гид подробно и интересно объяснял конструкцию русских изб. Петушки — их главное украшение. Накладной, резной или скульптурный, красивый петушок создаёт впечатление мира и довольства в избе.

— А заодно отвлекает внимание от конька, на котором он сидит, — улыбнулся гид. — Залюбовававшемуся петушком зрителю невдомёк, что брёвна, возможно, покосились или подгнили.

И сам петушок об этом не думает, внезапно осенило Кэтрин. Самовлюблённый, высоко поднятый, он позабыл, что, если повалится конёк, изба рухнет и погребёт его вместе с собой. Ей вдруг стало абсолютно ясно, что слепящая златоглавость, роскошная норкошубость, ароматы немислимо дорогих ресторанов — это и есть раскрасавец петушок. А она за год, проведённый в избе-Москве (её собственный «феномен Москвы») переполнилась ощущением гниения сердцевины брёвен. Она не Мелинда и не Катенька. Она Кэтрин, и *эта* изба не по ней.

— Меня петушком не заманишь, — решительно сказала она Нику во время обеда.

— Что? Не понял?

Через месяц, как только закончился его контракт, они уехали.

2006 г.

ФРЕДА КАЛИН (по мужу — Ямпольская, по папе — Калинская, по маме — Столяр, по отчиму — Дунаевская) закончила Ленинградский институт киноинженеров, работала инженером КИП и автоматики в СССР, а затем — в США.

Её литературное крещение состоялось благодаря звезде интеллектуальной иммиграции 70-х, незабвенной Людмиле Штерн.

В 2007 году она отправила понравившийся ей рассказ Фреды в журнал «Слово/Word». С тех пор автор публиковалась в журналах «Семь искусств», «Мы здесь», «Чайка» и других изданиях.

В настоящий сборник включены рассказы и повесть «Три жизни доктора Сигала». Все характеры героев книги вымышленные, но читателю очевидно, что они возникли из личного соприкосновения. Автор с юмором, горечью и любовью рассматривает своих персонажей, поворачивая призму времени от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему.

В рецензии, опубликованной в журнале «Южное Сияние», Александр Карпенко пишет: «„Три жизни доктора Сигала“ — повесть умная и поучительная. Ей присущи совершенство драматургии и высокая культура образного мышления. Она показывает жизнь выдающегося человека как в его силе, так и в его слабости. Повесть захватывает до такой степени, что с героями не хочется расставаться».

ISBN 978-1-970342-20-8

